УДК 94(044.32)
Всеобщая история

Валерий АВАНЕСЯН
д.и.н., профессор, кафедра истории АрГУ
E-mail: vm.avanesyan@yahoo.com

ЗАВЕРШЕНИЕ СИРИЙСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ И ПОЗИЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ПАРЛАМЕНТЕ

В статье рассматривается позиция правительства и политических партий, представленных в Законодательном корпусе и Сенате на заключительном этапе сирийской экспедиции. Тщательному анализу подвергнуты выступления депутатов парламентского большинства (бонапартист де Латур), республиканец Э.Оливье и представитель Католической партии Плишон. Последний затронул проблемы кризиса в Оттоманской империи, будущего Европы и Турции, сговор Англии и Порты с целью подрыва позиций Франции на Ближнем Востоке, возможный уход турок из Балканского полуострова.

В заключительной части статьи рассмотрен окончательный вариант административного устройства Горного Ливана, подготовленный международной комиссией в Константинополе, по которому единым правителем назначен Дауд – эфенди, армянин – католик по происхождению.

Ключевые слова: *европейская комиссия, административное устройство, Горный Ливан, комиссары держав, каймакство. мюдир, маршал, единый правитель*

Վ. Ավանեսյան

ՍԻՐԻԱՅԻ ԱՐՇԱՎԱԽՄԲԻ ԱՎԱՐՏԸ ԵՎ ՔԱՂԱՔԱԿԱՆ ԿՈՒՍԱԿՑՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԴԻՐՔՈՐՈՇՈՒՄԸ ՖՐԱՆՍԻԱՅԻ ԽՈՐՀՐԴԱՐԱՆՈՒՄ

Հոդվածում քննարկվել է Սիրիայի արշավախմբի վերջնական փուլում օրենդիր մարմնին և Սենատին ներկայացված իշխանության և քաղաքական կուսակցությունների դիրքորոշումը: Մանրակրկիտորեն վերլուծվել են խորհրդարանական մեծամասնության պատգամավորների՝ բոնապարտիստ դե Լատուրի, հանրապետական Է. Օլիվիեի և կաթոլիկ կուսակցության ներկայացուցիչ Պլիշտոնի ելույթները: Վերջինս անդրադարձավ ճգնաժամին Օսմանյան կայսրությունում, Եվրոպայի և Թուրքիայի ապագայի խնդիրներին, Անգլիայի եւ Պորտայի դավադրությանը Մերձավոր Արեւելքում Ֆրանսիայի դիրքի խաթարման նպատակով, Բալկաններից թուրքերի դուրս մղելու հնարավորությունը:

Հոդվածի վերջին մասում քննարկվել է Կոստանդնուպոլսի միջազգային հանձնաժողովի կողմից պատրաստված Լեռնային Լիբանանի կառուցվածքի վերջնական տարբերակը, ըստ որի հայ կաթոլիկ ծագում ունեցող Դովուդ Էֆենդին նշանակվել է որպես միանձնյա կառավարիչ:

Բանալի բառեր՝ *Եվրոպական հանձնաժողով, վարչական կառուցվածք, Լեռնային Լիբանան, իշխանությունների լիազորներ, կեիմակիզմ: մյուդիր, մարշալ, միանձնյա ղեկավար*

V. Avanesyan

COMPLETION OF THE SYRIAN EXPEDITION AND THE POSITION OF POLITICAL PARTIES IN THE FRENCH PARLIAMENT

The article discusses the position of the government and political parties represented in the Legislative body and the Senate at the final stage of the Syrian expedition. The speeches of the deputies of the parliamentary majority bonapartist de Latour, republican E. Olivier and the representative of the Catholic Party Plishon were subjected to a thorough analysis. The latter touched upon the problems of the future of Europe and Turkey, the crisis in the Ottoman Empire, the conspiracy of England and Porta to undermine the position of France in the Middle East, the possible withdrawal of the Turks from the Balkans.

In the final part of the article, the final version of the administrative structure of Mountainous Lebanon prepared by an international commission in Constantinople, according to which Daud – efendi (armenian-catholic by origin) was appointed as a single ruler, was considered.

Key words: *European Commission, administrative structure, Mountainous Lebanon, commissioners of powers, kaimakism. medir, marshal, single ruler*

Цель статьи – проанализировать заключительный этап сирийской экспедиции, проект административного устройства Горного Ливана, подготовленный комиссарами держав и рассмотреть политическую борьбу во французском парламенте вокруг этой проблемы.

Европейская комиссия, которая заседала в Дамаске, выработала проект административного устройства Горного Ливана. Редактирование статей комиссары держав начали на своих заседаниях 11, 12, 13 и завершили 18 марта. Были подготовлены 54 статьи. Прежде чем представить их Фуад-паше, комиссары решили пересмотреть основные статьи еще раз. Основной принцип устройства Горы[1] — учреждение нескольких каймакств. Это предложение поддержали представители четырех держав, кроме Франции. По 39 статье право назначения каймака предоставлялось Порте, но оговаривалось право предложения со стороны паши Сайды. На практике это означало, что учреждение каймакств могло производиться только с согласия пяти держав и Порты. Французский представитель в Константинополе предложил внести распоряжение, по которому нельзя было использовать по своему усмотрению ни право назначения, ни право смещения. Это предложение выявило яростное сопротивление со стороны лорда Дюфферена, и оно не прошло. Статья 42 вводила должность мюдиров, которые будут поставлены в каждом каймакстве во главе

[1] В сокращенном виде: административное устройство Горного Ливана.

административных округов. Статья 43 отмечала, что в смешанных округах может быть несколько мюдиров. Векбеккер предложил для каждого округа столько мюдиров, сколько существует конфессий. Это предложение было поддержано лордом Дюфферeном. Однако против него выступил французский представитель Бегляр. Он полагал, что учреждение множества мюдиров при одинаковой властью неизбежно приведет к анархии. Тогда мюдиры были заменены векилами, которые занимали подчиненную роль. По предложению лорда Дюфферена была введена должность прокурора каймакства. Он назначался пашой Сайды и имел право применять силу для пресечения преступлений и правонарушений. Бегляр считал, что прокуроры необходимы, но не должны назначаться пашой Сайды, дабы не давать этому функционеру такую привилегию над Горным Ливаном [1] .

20 марта состоялось частное заседание комиссии, на котором были классифицированы и изменены статьи проекта соглашения. Количество статей было сведено к 47. Данный проект должен был быть парафирован каждым комиссаром. Затем 21 марта состоялось еще одно заседание, где комиссары ознакомили Фуад-пашу с проектом относительно реорганизации Горы. Бегляр спросил Фуад-пашу, намерен ли он обсуждать с комиссарами держав проект соглашения или же ограничится тем, что вручит его своему правительству. На это Фуад-паша ответил, что относительно реорганизации Горы он не имеет инструкций и поэтому считает излишним вступать в ее обсуждение. Турецкий представитель считал, что его правительство должно выбрать из двух вариантов один: либо правительство Турции договорится с державами обсудить этот вопрос на конференции или реорганизовать его по предложению комиссаровб либо, принимая во внимание доводы своего чрезвычайного посланника, позволить ему обсудить проект в Бейруте, прислав на этот счет соответствующие инструкции[2].

Результаты работы комиссии резюмировал Тувенель и поделился своими впечатлениями с Монтебло. Итак, основная система, на которой основывается устройство Ливана, это его разделение на множество каймакств, в основе которого лежит распад христианских и друзских общин. Во время обсуждения комиссия сохранила абсолютное молчание, по поводу распада общин маронитов и друзов. Словом, основной принцип заключался в создании трех каймакств, при котором исчезало этнографическое разделение и присутствовали различные расы, разбросанные по всему Ливану волею обстоятельств. Вот почему Франция возражала против восстановления трех каймакств. Тувенель обращал внимание Монтебло на оговорку Бегляра в отношении каймакства друзов. Друзская община сохраняла бы свою целостность, при этом меньшинство друзов управлялось бы большинством христиан, потому что к территории друзов с одной стороны примыкает территория маронитов (21 тыс.), а с другой — греков-униатов (6 тыс.) и греков-ортодоксов (6 тыс.). Восстановление же каймакства отдавало бы 33 тыс. христиан во власть друзов. Французский министр иностранных дел считал, что создание трех каймакств «без распада христианских общин было бы невозможно»[3]. Французского министра беспокоило еще одно обстоятельство — согласие Фуад- паши с проектом соглашения, выработанного комиссарами держав, тем более что он был сторонником прямого правления Горой. Тувенель объясняет это тем, что проект вводит в Ливане такое устройство, при котором населяющие его народы будут разделены, и оттоманская администрация могла быть легко восстановлена. Французское правительство считает административную независимость Горы старым принципом, который предшествовал европейскому вмешательству в сирийские дела. Державы постоянно поддерживали принцип административной независимости Горы. И если он будет поставлен под

1 Бегляр — Тувенелю. 19 марта 1861 г. АВПРИ, ф. Канцелярия, д. 61, л. 302—303.
2 Бегляр — Тувенелю. 22 марта 1861 г. АВПРИ, ф. Канцелярия, д. 61, л. 305.
3 Тувенель — Монтебло. 4 апреля 1861 г. АВПРИ, ф. Канцелярия, д. 61, л. 293.

сомнение, то державы могут получить такое устройство, которое таит в себе опасность, заключающуюся в системе учреждения трех каймакств[1]. Французское правительство было удовлетворено позициями австрийского[2] и прусского [3] кабинетов, которые придерживались идентичных взглядов на устройство Горы. Тувенель писал: «Два немецких кабинета согласны вместе с нами с принципом единой христианской власти»[4]. Однако следует подчеркнуть, что венский кабинет предлагал найти кандидатуру среди местных жителей, а берлинский представил идею о греке из Порты, т.е. вне Горы [5] , хотя впоследствии принял позицию австрийского и французского кабинетов Английский кабинет считал, что глава ливанской администрации должен быть избран вне горной местности из христиан-подданных Турции. Тувенель писал Флаолю: «Нам кажется, что эта идея не отвечает потребностям Ливана и вместе с тем может противоречить его традициям»[6]. Письмо аналогичного содержания было направлено и Лавалетту[7].

Мы уже говорили, что когда приближалась дата эвакуации французских войск из Сирии, Наполеон III отдавал приказ о подготовке к ней. Тувенель сообщил об этом Лавалетту и просил привлечь внимание султана к тем обязательствам, которые должно было выполнять его правительство после вывода войск. В сложившейся ситуации французская дипломатия активизировала свою деятельность для того, чтобы окончательно выработать вариант административного устройства Горного Ливана и ввести его до отъезда экспедиционного корпуса. По мнению Тувенеля, инициатива этого шага должна была исходить от других держав. В депеше, адресованной Монтебло, позиция Франции выражена весьма четко. В ней говорится: «Если бы державы приняли эту комбинацию, можно было бы не возвращаться вновь к статьям конвенции от 15 марта, а обойтись протоколом о том, чтобы осуществлять эвакуацию одновременно с восстановлением властей, которые будут в ближайшее время учреждены в Ливане. Державы, которые разделяют наши оценки, могли бы взять на себя инициативу в этом вопросе»[8].

Накануне конференции в Константинополе[9], где должны были определить характер и природу новой администрации, учреждавшейся в Ливане, английское правительство, принимая во внимание обстоятельства, сложившиеся в Сирии, одобрило принцип единой власти во главе с христианином. Однако английский кабинет был не согласен с избранием главы администрации из местных феодалов. Рассел сообщил об этом Флаолю. Вместе с тем он полагал, что необходимо было обеспечить быстрое решение столь важного вопроса и желательно, чтобы все правительства согласились во время принятия решения с мнением большинства. Французский кабинет разделял эту точку зрения, и Тувенель рекомендовал Лавалетту не упускать случая, чтобы привлечь внимание большинства к трем принципам избрания главы администрации: местный, христианин и олицетворяющий единую власть[10]. Мотивы французского кабинета, позволяя Порте избирать главу администрации Горы извне, нанесут ущерб привилегиям народов без какой-либо надежды на стабильность. Такой глава вновь станет одним из турецких функционеров. Он будет христианином, но в

---

[1] Там же. Лл. 294—295.
[2] Мустье — Тувенель. 6 и 7 апреля 1861 г. АВПРИ, ф., Канцелярия, д. 61, лл. 284, 286.
[3] Латурн Доверн — Тувенелю. 8 и 13 апреля 1861 г. АВПРИ, ф., Канцелярия, д. 61, лл. 286—287, 288.
[4] Тувенель — Монтебло. 13 апреля 1861 г. АВПРИ, ф., Канцелярия, д. 61, л. 289.
5Там же.
[6] Тувенель — Флао. 30 апреля 1861 г. АВПРИ, ф, Канцелярия, д. 61, лл. 252—253.
[7] Тувенель — Лавалетту. 19 апреля 1861 г. АВПРИ, ф. Канцелярия, д. 61, лл. 254—256.
[8] Тувенель — Монтебло. 8 мая 1861 г, АВПРИ, ф. Канцелярия, д. 61, л. 227.
[9] Тувенель — Монтебло. 15 мая 1861 г. АВПРИ, ф. Канцелярия, д. 61, л. 222.
[10] Там же

таком же качестве, как и другие члены турецкого правительства. Порта, свободная в своем выборе, должна соблюдать простое условие: с одной стороны, назначать не мусульманина, а с другой — местного. Иностранец-христианин, избранный Портой, не имел бы личной заинтересованности защищать традиции, которые ограничивают его власть также, как и власть турецкого правительства. Таким образом, в Горе было бы введено правление непосредственно из Порты. В реальности административная независимость Ливана станет номинальной и, что не менее прискорбно, может спровоцировать борьбу между управляющим и администрацией в стране, где такого рода разногласия всегда и быстро переходят в вооруженный конфликт. Но если изберут местного, он будет, напротив, обязан опираться в своей политике на Порту. Житель страны, солидарный с ее будущим, не согласится принести в жертву безопасность, которую будет гарантировать Ливану местная администрация. Эти мотивы, по мнению французского правительства, являются основополагающими, чтобы побудить державы высказаться в пользу местного. Державы не могут оспаривать мнение о том, что сохранение привилегий Горы зависит прежде всего от главы, который станет их хранителем и будет заботиться об их поддержании или постоянно способствовать их отмене в зависимости от того, местный он или иностранец[1].

Во время обсуждения бюджета на 1862 г. сирийская проблема вновь стала предметом дискуссий. Ноябрьские декреты предшествовали сессии Законодательного корпуса, и граф де Латур, представитель парламентского большинства, отметил, что Законодательный корпус превратился в «политическую ассамблею», которая не только принимает законы и утверждает бюджет, но и рассматривает события, которые происходят вовне. Депутаты приглашены для того, чтобы выражать свои взгляды и давать советы правительству. Оратор подчеркнул, что «все дружественные народы должны искать поддержки у Франции, так как она является не только храбрым солдатом, но и в высшей степени рыцарской страной, готовой помочь слабым и преданным друзьям». По мнению де Латура, ее политика - быть достойной этому назначению, проявлять всегда справедливость, храбрость и преданность. Именно поэтому Франция сохранила среди народов хорошую репутацию. Французское правительство выполнило в Сирии свой долг. Оно «действовало там достойно и по-христиански», защищая христиан Ливана, находившихся под протекцией Франции. Оратор обвинил христианскую Европу в том, что она не вмешалась в сирийские дела, и Франция осталась одна. Кроме того, общественное мнение было удовлетворено лишь наполовину. Во Франции остро сожалели о том, что вследствие «чрезмерной снисходительности и вероломства турок» многие убийцы избежали наказания за совершенные преступления. Депутат полагал, что по-прежнему существовала мусульманская конспирация, которая угрожала уничтожению христиан в Азии, и считал, что для обеспечения безопасного будущего репрессии были недостаточными. Однако оратор не осудил осторожность французского правительства. Он понимал, что, отзывая войска, Франция уступила давлению великих держав. Де Латур сожалел, что Европа не оказалась более энергичной. Он подчеркнул: «Я обвиняю большинство европейских держав, особенно Англию, которая играла в создавшейся ситуации отвратительную роль, заслуживающую слов, напечатанных в «Times», где ее назвали «самой крупной магометанской империей в Азии» [2].

Де Латур глубоко сожалел о том, что французская оккупация прекращается до организации новой власти, обеспечения полной безопасности и назначения христианского принца, который был бы в состоянии поддержать министра иностранных дел в случае новых злодеяний. В итоге оратор отметил, что Россия в этом вопросе «повела себя лучше, чем Англия, хотя Франция упрекала Россию за ее

[1] Тувенель — Монтебло. 15 мая 1861 г. АВПРИ, ф. Канцелярия, д. 61, лл. 222—225.
[2] Moniteur. 7 juin 1861. La session du Corps législatif. 6 juin 1861. Выступление де Латура.

политику в отношении Польши»[1].

Республиканец Оливье отметил, что далекие экспедиции, в частности, сирийская, стали причиной серьезных расходов. Поэтому он призвал правительство возвратиться к мирной политике, разумеется, кроме случаев, когда речь идет о чести страны. Оливье вновь повторил свой тезис о разоружении и подчеркнул при этом, что Франция, поставив перед Европой торговые трактаты, должна поставить и трактаты о разоружении[2].

Бюджетник Гуэн отметил шаги правительства, направленные на укрепление авторитета Франции за ее пределами и признал необходимость сирийской экспедиции. Но он указал, что для [3] обеспечения процветания в будущем Франции следовало бы встать на путь экономии, т. е. действовать исходя из наличных ресурсов страны[4].

Плишон, представитель католической партии в Законодательном корпусе, очевидец событий в Ливане в 1845 г., воспользовался обсуждением бюджета Министерства иностранных дел и выступил по поводу сирийской проблемы, которая, по его мнению, вошла в новую фазу. Выступление Плишона было очень интересным, большим по объему и затрагивало многие проблемы, предшествовавшие событиям 1860-1861 гг. Выделим его основные моменты. Прежде всего, по сведениям депутата, в «громадном пожаре, зажженном друзами в Ливане и Дамаске», монастыри, храмы, французские учреждения, консульство исчезли, в то время как английское консульство и протестантские миссии заслужили «печальную привилегию» быть нетронутыми. Плишон выявил сговор турецких властей и мусульман в этих событиях. Оратор приветствовал первые шаги французского правительства и в то же время подчеркнул необходимость модифицировать административное устройство 1842 и 1845 гг. Он признал, что в сложившейся ситуации Франция вынуждена была войти в Ливан от имени коллективных сил, поскольку иной возможности не было. Плишон также заметил, что французскому экспедиционному корпусу не были обеспечены независимость и свобода действий. По мнению оратора, после того как армия, не достигнув своей цели, покинула Сирию, следовало показать Европе и всему миру, что Франция не изменила своему долгу. Депутат-католик привлек внимание Законодательного корпуса к событиям, которые, по его мнению, стали причиной массовых зверств в 1860- 1861 гг. Они проявлялись уже с 1840 г., когда «преступные силы» решили ликвидировать в Сирии два важных политических фактора: независимость Ливана под управлением национальной династии и протекторат Франции по защите маронитов. Порта приступила к разоружению первого, потому что она хотела ввести прямое правление в Горном Ливане, а Англия — второго, так как она стремилась уничтожить влияние Франции в Сирии и укрепить собственное. Плишон подчеркнул, что долгое время делались попытки снять ответственность с действительных виновников, а зверства в Ливане объяснить религиозными противоречиями между этими народами. По мнению оратора, это утверждение совсем не соответствовало действительности, потому что подобный факт — явление недавнего времени. Он возник только в результате «плачевной политики», проводимой в Сирии Портой и Англией. До 1840 г. христиане и друзы жили бок о бок мирно, в общих коммунах. Их не разделяли конфликты, но даже если возникали разногласия в их основе никогда не лежал религиозный мотив. Это была в основном политическая борьба, в которой христиане и друзы были объединены под одним знаменем, сражаясь за общее дело. С 1841 г. характер борьбы изменился. Теперь она проходила в смешанных округах. Чтобы обосновать этот тезис, Плишон обратился к фактическому

[1] Moniteur. 7 juin 1861. La session du Corps législatif. 6 juin 1861. Выступление де Латура.
[2] Moniteur. 7 juin 1861. La session du Corps législatif. 6 juin 1861. Выступление де Латура.
3Moniteur. 7 juin 1861. La session du Corps législatif. 6 juin 1861. Выступление Оливье.
[4] Moniteur. 7 juin 1861. La session du Corps législatif. 6 juin 1861. Выступление Гуэна.

материалу. Эмир Бешир, став во главе ливанского княжества, вел длительные войны для утверждения своего господства как против христианских, так и против друзских феодалов. После его победы христианские шейхи, которые боролись против него, смирились с этим, а друзские шейхи, напротив, отказались подчиниться и покинули Ливан. Их места заняли христианские шейхи. После июльского трактата 1840 г. при подстрекательстве англичан вспыхнул мятеж марони- тов против Бешира, который был вынужден бежать из Ливана. Тогда друзские шейхи появились вновь и, опираясь на силу 2 тыс. друзских солдат предоставленных Мехметом Али, потребовали вернуть им утраченное. Однако шейхи христиан, опиравшиеся на симпатии народов и уверенные в гарантиях держав, подписавших трактат 15 июля, не хотели уступать. Именно в этот момент начала проявляться «преступная политика» Порты. В своей политике она ориентировалась на друзский элемент для того, чтобы ввести прямое правление, вооружив друзов и направив их против христиан. Все это привело к тому, что друзы вернули себе утраченные позиции.

Таковы обстоятельства, которые привели к зверствам 1841 г. и придали конфликтам Ливана новый характер. События 1845 и 1860 гг., по мнению Плишона, имели по существу тот же характер. События 1841 г. взволновали Европу, которая в Константинополе выступила в защиту христиан. Вопрос правления Ливана стал главным в политике Англии. Друзы, силой овладев смешанными округами, нарушили установленный державами порядок вещей.

Плишон вновь остановился на политике Порты, которая в Константинополе говорила одно, а в Сирии делала противоположное. Она извлекла выгоды из комбинации, сохранившей за ней шансы на будущее, так как увековечивала разделение горной области по религиозному принципу. Правление Ливана было доверено двум каймакам, или правителям — христианину и друзу.

Но как заставить функционировать эту администрацию? В Ливане существовал район, заселенный исключительно христианами, чего не было у друзов. С другой стороны имелась смешанная часть, где господствующим также был христианский элемент. Вставала проблема функционирования администраций в этой смешанной части. Друзы полагали, что полномочия христианского правителя должны были ограничиваться районом, заселенным только христианами, а в смешанных округах правителем должен быть друз. Христиане, напротив, считали, что создание принципа двух правителей имеет только одну цель — избавить их от суда друзских шейхов и, следовательно, допустить к правлению христианского правителя. Обсуждение этого вопроса было долгим, и Порта затянула его решение на два года.

Плишон подчеркнул, что именно по этой проблеме разделились мнения дипломатов Франции и Англии в Бейруте. Вопрос стоял следующим образом: горный Ливан принадлежит либо маронитам, либо друзам. Англичане выступали против марони- тов, потому что они вновь становились сферой влияния французов. Они стремились, поддерживая друзов, сохранить в Ливане один из проходов в Индию. По мнению Плишона.. именно с этого момента английский представитель стал самым «пылким защитником» друзов. Наконец, прибыло решение Порты, по которому в каждом смешанном поселке состоящем из двух и более округов учреждались две администрации — христианская и друзская и, соответственно, два правителя. Но это решение таило в себе зародыш новых провокаций, и Плишон в этой связи заметил, что Порта предвидела подобный результат. Она хотела извлечь из этого выгоды для своего господства. Когда хотели приступить к реализации решения, друзы, имея сильную поддержку в лице английского агента и содействие турок, вновь двинулись на христиан. Ведги- паша в 1845 г. исполнил ту смертоносную роль, которую в 1841 г. выполнял Селим-паша, и во всех случаях турки были союзниками друзов, а иногда становились и соучастниками резни. Административное устройство с системой двух каймакств, введенное в 1845 г., по мнению Плишона, в громадной степени способствовало убийствам 1860 г. Оратор возмущался по поводу обвинений в адрес

французского правительства относительно сирийских событий, прозвучавших с того берега пролива, т.е. из Англии. Плишон считал, что основными причинами этих событий являлись следующие: «порочная» организация Ливана, тайные интриги турок, опрометчивые подстрекательства английской политики вкупе с турецкой во всех случаях, когда речь шла о том, чтобы пробить брешь в христианский интерес Сирии, наконец, пылкий фанатизм исламистов, поселившихся в Джедахе, угрожавших безопасности христиан во всех областях Востока. В этой связи Плишон полагал, что последние события в Сирии больше не представляются борьбой между маронитами и друзами, а носят комплексный характер, который связан с создавшимся положением для христиан Востока при неспособности и нежелании турецкого правительства их защитить.

Плишон отметил, что когда речь шла о подстрекательстве англичан и их доле ответственности в этих страшных событиях, он опирался на замечание депутата английского парламента, который заметил по поводу сирийских событий: «При рассмотрении истории Ливана становится очевидным, что Англия несет большую ответственность за то, что там происходило». Таким образом, друзы были убеждены, что, принося в жертву христиан, они тем самым делали приятное Англии. Ведь уменьшая их число, они ослабляли влияние Франции. Друзы не могли ошибаться, видя, как хладнокровно Англия защищала их интересы во всех вопросах, которые возникли в 1841 и 1845 гг., а также как она спасала от законной мести Европы главных виновников убийств 1841 г., в 1861 г. Кроме того, Англия отрицала необходимость европейского вмешательства и всячески препятствовала его успешному свершению.

Однако, по мнению Плишона, опубликованные документы самого английского правительства свидетельствовали о том, что без прибытия французского экспедиционного корпуса акция Фуад- паши была бы полностью немощной, а убийства распространились бы и на остальную часть Сирии. Европа, вмешавшись, преследовала тройную цель: наказать организаторов убийств, возместить ущерб христианам и гарантировать от повторения подобной резни учреждением новой системы правления в Ливане. Но политическое состояние Сирии оставалось по-прежнему тревожным, и христиане за неимением гарантированной безопасности не могли возвратиться в свои города. В такой ситуации английский кабинет, ослепленный чувством недоверия, противодействует продлению оккупации. Но ведь Франция, чтобы отвести это недоверие, приглашала Англию совершить совместную экспедицию, однако последняя отказалась. Как могла поступить Франция в создавшейся ситуации? Существовало два варианта действия: либо согласно дополнительной конвенции к трактатам от 5 сентября 1860 г. покинуть Сирию, либо, руководствуясь высшими интересами гуманизма, остаться там вопреки этой конвенции. По мнению Плишона, Франция не должна и не могла там оставаться. Он одобрял приказ об отзыве войск и твердо заявил, что «французское правительство поступило очень мудро». Оратор удовлетворился объяснениями Билло перед Сенатом о том, что в случае новых беспорядков, которые могут произойти в Сирии, Франция не будет нести ответственности за пролитую кровь. Франция предупредила Европу, Англию и Порту об опасностях в будущем и ответственности, которая ляжет на них. После возвращения войск французские корабли получили приказ отправиться на сирийское побережье для того, чтобы при необходимости защитить несчастный народ. Плишон представил программу возможных действий Франции, изложенную в депеше министра иностранных дел от 3 мая 1861 г. послу в Константинополе как достойную Франции. Однако это вызвало бурное противодействие в английской прессе. Мотивы возражений были следующие: может ли Франция, имея в виду Парижские трактаты, ссылаться на свой патронаж и реализовать свое право на вмешательство, не нарушая их статьи. Плишон давал утвердительный ответ. Чтобы отвести всякие подозрения, следовало, по его мнению, определить характер соглашения между Оттоманской империей и Европой после Крымской войны. Порта уступила Европе хартию равноправия в пользу своих

христианских подданных, а европейские державы, в свою очередь, уступили Порте право протекции в пользу христиан империи. Право протекции зародилось в состоянии зависимости и подчинения, к которому были сведены несчастные христиане Турции, и оно исчезло, когда им предоставили общие права наравне с турками. Следовательно, оговорки Парижского трактата имели «взаимообещающий и условный характер», но если оттоманское правительство не выполнит своего обязательства, то оно неспособно защитить христиан от возникающих буйств. Этот отказ и оговорки Парижского трактата, которые являлись относительными, остаются без эффекта.

Плишон полагал, что надежды дипломатии привели только к горьким разочарованиям: меры, которые были приняты, лишь осложнили всю ситуацию, возродив мощь Оттоманской империи и не улучшив судьбу христиан. Оратор попытался объяснить сложившееся положение. Он отметил, что гражданское равноправие, являясь христианской идеей, означает отрицание определяющего принципа мусульманского общества, в основе которого лежало «очевидное превосходство истинной веры и вечного подчиненного положения неверных». Мусульмане полагали, как считал Плишон, что христианин должен оставаться подчиненным и всякое усилие, направленное на то, чтобы выйти из этого состояния, должно караться рабством и смертью. Причем это не являлось статьей закона, а представляло собой универсальную догму, основу которой никто и никогда не оспаривал. При наличии такой догмы объявить противоположное и записать это в общественном праве Турции означало бы проявить неосторожность. Более того, это было бы просто провокацией. Для всех турок христианин являлся мятежником, и договор, на который они ссылались, в их глазах представлялся только измышлением и должностным преступлением для ислама. Вот что объясняло каждодневную ситуацию христиан Турции так же, как и необходимость более активной протекции со стороны Европы.

Плишон в этой связи привлек внимание правительства и депутатов к положению в оттоманской империи. По его мнению, «империя, видимо, распадается вопреки усилиям Европы», так как распадется она под давлением неизбежных причин, присущих принципу самой исламской конституции и под влиянием всеобщей коррупции, которая истощила все источники жизни страны. Империя может продолжить свое существование только при условии, если турки завоюют новые области и будут угнетать христиан, так как они никогда не имели других средств существования. Эксплуатация райя[1] была единственной общественной экономикой их правления. Следовательно, полагал Плишон, невозможно, чтобы Европа долгое время поддерживала правление, основывающееся на подобных принципах. Кризис в Азии мог быть отсрочен, но все предвещало, что он переместится в Европу, которая должна быть готова к этому. По мнению оратора, турки могут уйти из Европы, не подвергая опасности мир, если мудрость правительств подготовит право «передачи наследства их действительным наследникам».

Касаясь восточного вопроса и проектов его разрешения, Плишон считал, что раздел великими державами Османской империи являлся фактически невозможным, так как стал бы аморальным актом. Восток должен принадлежать восточным народам. На европейские владения Турции у Плишона был другой взгляд. Прежде всего он был убежден, что естественными наследниками владений являлись христиане, которые жили там до завоевания османистами. Поэтому именно они станут единственными собственниками в тот день, когда господство Турции будет уничтожено. Право христиан является неоспоримым, и Плишон считал, что Европа должна его уважать. Оратор задался вопросом, что станет в этом случае с турками. И нашел простой ответ. Поскольку принципы исламской конституции не позволяли сосуществовать

1 Так турки называют иноверцев.

христианской и мусульманской конфессиям в условиях гражданского и политического равноправия, такое сосуществование было возможно лишь при христианском правительстве. Существовал двойной подход: либо турки смирятся жить в условиях равноправия с христианами, и тогда им ничего не мешает остаться в стране, либо они не смирятся с этим, и тогда произойдет то же самое, что и в Греции, т.е. они должны будут уйти. По мнению Плишона, турки не обустроены в Европе, они находятся там временно, к тому же понимают, что «последний час их политического господства пробил». Плишон предложил дипломатическим путем способствовать политике, которую он обрисовал. По мнению оратора, это есть «мирное и моральное решение восточного вопроса». Причем такая политика не инспирирована личными для Франции мотивами. Она подразумевает более возвышенную цель — «освободить благородные расы от отупляющего ига, возродить прекрасные области цивилизации, чтобы там господствовали принципы справедливости и христианского милосердия среди народов, которые полностью этого лишены». Моральные интересы должны быть поставлены выше соперничества. Плишон обратился к английскому народу с призывом повлиять на правительство, чтобы оно отказалось от антихристианской политики вообще и агрессивной политики в отношении Франции, в частности. Он подчеркнул: «Я не мог бы одобрить политику нашего правительства, которая несет ущерб завоеванному положению Англии, но в то же время я призываю ее не покушаться на то, что приобретено Францией, т.е. соблюдать взаимные интересы». Плишон считал, что Франция обладала на Востоке «огромной властью. Ее имя там символизировало защитницу интересов угнетенных народов. Он выразил пожелание от имени Франции, чтобы эти народы не переставали надеяться на нее. В итоге, возвращаясь к начальной части своего выступления, Плишон подчеркнул, что Франция не желает именно теперь покидать Сирию и отказываться от миссии защиты, налагаемой на нее политическими традициями, потому что это означало бы отказаться от собственной чести.

Французское правительство четко выразило свою позицию в депеше от 3 мая 1861 г. Билло не вступил в полемику с депутатом Плишоном относительно политических оценок. Это, понятно, потому что он повторил бы мысли, изложенные им в Сенате по данному вопросу. Но все-таки на один нюанс следует обратить внимание. Билло признал, что данная проблема вызвала живой интерес как в Сенате и в Законодательном корпусе, так и во всей стране, и правительство намеревалось выполнить свой долг, т. е. адекватно среагировать на ситуацию[1].

Параллельно с обсуждением сирийской проблемы в Законодательном корпусе завершала свою работу в Константинополе международная комиссия по выработке окончательного административного устройства Ливана. «Moniteur» информировала о подробностях этого обсуждения. 9 июня пришло сообщение из Константинополя о результате заседаний, прошедших 7 июня. Тогда было решено, что правитель Ливана будет назначен на три года и не может быть смещен по истечении этого срока без согласия представителей европейских держав. Назначение нового правителя должно было согласовываться между Портой и правительствами Европы. Кроме того, условились о том, что единый правитель должен принадлежать к религии большинства и может быть избран среди христиан султана[2]. Но основной документ был принят 9 июня. Представители держав на конференции подписали с министром иностранных дел султана учредительный акт новой администрации Ливана, а также протокол, где были определены дипломатические условия этого соглашения. Система разделения на два каймакства, введенная административным устройством 1845 г., заменялась единым правителем, который получал ранг мюшира или маршала. Он не подчинялся ни бейрутскому, ни дамасскому паше, поскольку по рангу был равен им. Резиденцией правителя был избран г. Дер-аль-Камар, где в 1845 г. размещался турецкий гарнизон.

[1] Moniteur. 9 juin 1861. La session du Corps législatif. 8 juin 1861. Выступление Билло.
2Moniteur. 11 juin 1861. Бюллетень от 10 июня 1861.

Порядок в Горном Ливане должен будет поддерживаться посредством милиции, набранной из местных жителей. Отмечалось также, что через три месяца после подписания учредительного акта представители держав и министр иностранных дел султана вновь соберутся на конференцию, чтобы оценить результаты этого устройства и принять другие решения, если того потребуют обстоятельства. Кроме того, в Ливане будет учреждено два меджлиса (или совета), юридический и административный, в которых будут представлены все народы, живущие в Горном Ливане, без различия религии. Аналогичные гарантии им предоставлены в округах. Однако за правителем остается свобода действий[1].

Наконец, из Константинополя было получено известие, которое поставило окончательную точку в этом деле. Сообщалось, что султан одобрил новую организацию Ливана и назначил Дауда-эфенди, армянина, католика по происхождению, правителем Горного Ливана. Газета сообщала, что этот выбор был принят с удовлетворением послом императора, так же, как и другими членами конференции. Султан наделил нового правителя чрезвычайными полномочиями[2].

Рассмотрим, как французское правительство оценивало эти соглашения. Тувенель сообщил о них Монтебло. В частности, отмечалось, что, кооперируя усилия для умиротворения Ливана, Франция руководствовалась принципами гуманизма. Французское правительство старалось, насколько это от него зависело, предупредить повторение событий, которые так взволновали Европу. Они были результатом религиозной или расовой ненависти, и надо было учредить власть, подобную устройству 1845 г., чтобы она соответствовала нравам и традициям страны. Поэтому Франция выступила против любого разделения администрации на множество каймакств. Державы согласились с этим мнением, хотя в начале приняли проект, который мог бы осложнить затруднение режима и привел бы к беспорядкам. Европейские кабинеты приняли возражения французского правительства и согласились учредить в Ливане единую христианскую власть во главе с христианским правителем. Этот принцип действовал в Ливане в 1840 г. и стал залогом административной независимости. Франция решила возобновить эту традицию, и всякое новое устройство должно было быть подчинено этому условию. Допуская по новому проекту единственность христианской власти, державы выразили намерение запретить Порте доверять эту власть жителю Горного Ливана. Тувенель подчеркнул, что правительство Наполеона III ни при каких обстоятельствах не могло допустить подобного. Предложение прусского представителя в Константинополе открыло путь к соглашению. Французское правительство приняло его по следующим причинам. Ливан находился в состоянии волнения. Были свежи в памяти недавние события, которые разделили народы Ливана. Не желая брать на себя больше ответственности, чем другие державы, особенно в части злоупотребления властью со стороны христианского правителя, избранного в Горном Ливане, французское правительство приняло его идею единого правителя. Но по мнению Тувенеля, такой период должен был быть переходным и не следовало жертвовать привилегиями, которые имел Ливан в течение долгих лет и которые были залогом порядка и хорошей администрации. В то же время необходимо было убедиться, что выбор султана пал на функционера, исповедовавшего религию большинства и внушавшего доверие. Принимая во внимание намерения Порты, французское правительство решило присоединиться к этой комбинации, избегая при этом насколько возможно отсрочки реорганизации Горного Ливана.

Поскольку отныне правитель не зависит ни от паши Бейрута, ни от паши Дамаска, Ливан перестает быть ареной подстрекательств со стороны деятелей, усилия

[1] Moniteur. 12 juin 1861. Бюллетень от 11 июня 1861 г.

[2] В промежутке между 19 и 24 июня газета опубликовала три сообщения (19, 22 и 24 июня), касающихся практически одной темы — назначения Дауда-эффенди правителем Ливана. См.: Moniteur. 19, 22, 24 juin 1861. Бюллетени.

которых были в основном направлены на уничтожение привилегий этой страны. Горный Ливан будет управляться самостоятельно при христианской администрации посредством муниципальных учреждений, которые обеспечат жителям различных общин и верований те же гарантии и равное участие в решении общих проблем. Фактически может случиться одно из двух: либо администрация иностранного правителя обеспечит мир и процветание Ливану, и в этом случае, не имея другой цели, французское правительство ничуть не будет сожалеть, дав на это свое согласие, либо будет доказана целесообразность принятия принципа исключительно местной администрации, и тогда правительство позволит себе потребовать для жителей Ливана привилегию выдвинуть им самим кандидата по выбору Порты. Удовлетворение у Франции вызывал и тот факт, что привилегии Ливана имели характер европейской гарантии[1]. Эта длинная депеша с подробной оценкой французского правительства приведена не случайно. Дело в том, что в последующем итоги экспедиции трактовались в исторической литературе неоднозначно и нам следует определить собственную позицию, учитывая фактор обсуждения этой проблемы в Законодательном корпусе и Сенате. Без этого оценки будут страдать односторонностью. Мнения историков разделились: часть из них склонялась к тезису о том, что сирийская экспедиция потерпела провал, потому что не добилась поставленных целей, а другая — что результаты экспедиции оказались незначительными. В советской и российской историографии доминировало мнение о провале экспедиции, что нашло отражение в монографии М.Т.Панченковой, посвященной этой проблеме [2].

Выделим приоритеты в поставленных целях, ставшие причиной французской экспедиции под эгидой европейского мандата. Мы уже отмечали, что была выдвинута триединая задача: наказать виновных, возместить ущерб и организовать новое административное устройство. На наш взгляд, французская дипломатия приоритетным считала административное устройство, потому что именно через него она пыталась укрепить свое влияние на Ближнем Востоке. Кроме того, именно устройство 1842 и 1845 гг. стало основной причиной беспорядков 1860 г. Кстати, в выступлениях сенаторов и депутатов это мнение прозвучало довольно отчетливо. С этой точки зрения тезис о провале экспедиции звучал сомнительно. Более того, он был выдвинут скорее всего из идеологических соображений, поскольку «агрессивность французской буржуазии» не могла в принципе подразумевать положительных результатов экспедиции. С другой стороны, неприятие режима Второй империи возводилось в определенный абсолют. Этим грешили историки республиканского направления. Откуда же [3] появился тезис о провале? Очевидно, отчасти это было связано с выступлениями сенаторов и депутатов, которые полагали, что цели экспедиции не были достигнуты. Однако они же, учитывая объяснения комиссаров правительства, приняли в Законодательном корпусе редакцию адреса, отвергнув поправку группы депутатов и сенаторов, и проголосовали за переход к повестке дня. Следовательно, было бы правильным принять конечный результат обсуждений, а не их промежуточную часть.

Мы полагаем, что автор книги была все-таки знакома как с выступлениями сенаторов и депутатов, так и с итогами этих обсуждений. С другой стороны, в политике тенденцию нужно учитывать, но не возводить ее в абсолют. В дипломатии же в конечном итоге важен результат, правда, нужно учитывать дипломатическую борьбу для того, чтобы определить позиции государств. Так вот, учитывая эти обстоятельства, следует выделить следующие моменты. Во-первых, и Англия и Франция выступали в основном за территориальную целостность Османской империи. Действительно в

[1] Тувенель — Монтебло. 1 июля 1861 г. АВПРИ, ф. Канцелярия, д. 61, л. 149—151.
[2] Панченкова М.Т. ***Политика Франции на ближнем Востоке и Сирийская экспедиция 1860-1861***. М., 1967.

английских и французских руководящих кругах не существовало замыслов о создании независимых государств и подчинении их своему влиянию. Кроме того они должны были учитывать и позицию турецкого правительства, которое категорически возражало против этого. Во-вторых, решение проблемы устройства Горного Ливана, что стало предметом острой, порой драматической борьбы между дипломатическими агентами. По существу французский проект одержал здесь верх, несмотря на то, что французский представитель остался один на своей позиции. Даже Россия перешла на сторону англичан, поддерживая проект по созданию трех каймакств: маронитской, друзской и православной. Французская кандидатура местного правителя из семейства Шихабов не прошла. Но Франция не много потеряла, согласившись на кандидатуру Дауда-паши, армянина католического вероисповедания. Более того, прошел французский проект по вопросу о назначениях и смещениях. Поэтому и с дипломатической точки зрения тезис о провале экспедиции не состоятелен.

Окончательное административное устройство Ливана совпало с завершением сессий Законодательного корпуса (27 июня) и Сената (29 июня).

Подведем некоторые итоги обсуждения сирийской проблемы во французском парламенте. Выделим здесь два основных момента: взаимоотношения исполнительной и законодательной ветвей власти и позиции политических партий в парламенте. Нами проанализированы все выступления депутатов и сенаторов во время сессий летом 1860г., т.е. с начала этих событий, и отклик на них в парламенте в 1861г., когда, в соответствии с сентябрьской конвенцией, французский экспедиционный корпус был направлен в Сирию. На сессии, открывшейся 4 февраля — впервые после ноябрьских декретов 1860 г. - специальный пункт повестки дня был посвящен сирийской экспедиции. На всем протяжении сессии вплоть до ее закрытия обсуждение этой проблемы шло параллельно с работой международной комиссии по выработке административного устройства Горного Ливана, заседавшей сначала в Дамаске, а затем в Константинополе.

Таким образом, ближневосточная политика Франции на этом отрезке времени увенчалась успехом и роль депутатов французского парламента достаточно велика.

Статья рекомендована к печати членом редакционной коллегии,
д.и.н., профессором В.Р.Балаяном.